

УДК 323.11(498.7)«1941»

**ОБРАЗ БЕССАРАБЦЕВ В ГЛАЗАХ РУМЫНСКОЙ
ГРАЖДАНСКОЙ И ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ (1941 г.)**

Д. Думитру

*доктор исторических наук, доцент,**Государственный педагогический университет имени И. Крянгэ, Молдова*

Стаття покликана проаналізувати одну з численних граней образу бессарабців, розкритих різними авторами в різні періоди, а саме інтерпретацію цього образу в сприйнятті румунської адміністрації в 1941 році. Проаналізовано архівні документи представників цивільної та військової адміністрації Бессарабії. Більшість використаних в даному дослідженні матеріалів знаходяться в фондах архіву Міністерства національної оборони Румунії, Національному архіві Республіки Молдова, а також регіональних архівів України.

Ключові слова: Бессарабія, румунська адміністрація, населення, бессарабські румуни.

Насыщенная событиями история Бессарабии оставила глубокий след в сознании жителей этого края, часто создавая образ, сложный для понимания властей, управлявших этой территорией в разные исторические периоды [1]. Переживая переломы и значительные наслоения событий [2], ощущений, порой противоречивых, чувство (этнической) принадлежности, тяготения бессарабцев вызывали подозрения как со стороны имперских властей, так и со стороны румынской администрации. Проблема предполагаемого отсутствия лояльности населения данной территории объясняет предпринимавшиеся усилия по гражданскому, национальному, моральному и духовному «воспитанию» бессарабцев.

Исторические исследования, относящиеся к советскому периоду, живописали о массовой, активной «румынизации» бессарабского населения в период пребывания в составе Великой Румынии [3], предоставляя аргументы в поддержку существования национальной молдавской идентичности [4]. В серии публикаций пост-советского времени были осуждены меры, предпринятые царской Россией и Советским Союзом, направленные на манипуляцию бессарабской национальной идентичности [5]. После 1991 года Республика Молдова стала плацдармом политических столкновений по вопросам историографии и образования, а на чаше весов оказалось национальное самоопределение жителей этого края [6].

Настоящая статья не претендует на участие в дискуссии на данную тему, да и не намерена предоставлять политические и исторические аргументы вовлеченных в диспут сторон. Она преследует скромную цель: проанализировать лишь одну из многочисленных граней образа бессарабцев, раскрытых разными авторами в различные периоды. Поставлена задача проанализировать образ бессарабцев в восприятии румынской администрацией в 1941 году, так как эта тема не была удостоена особого внимания со стороны ученых, что удивляет, учитывая обилие документов, сохранившихся по исследуемой теме в румынских и молдавских архивах. 1941 год представляет собой переломный момент и максимальной напряженности в истории румынского государства. Тем не менее, он куда менее изучен историками, нежели 1940. Именно в момент начала войны с СССР руководство румынского государства вносит некоторые корректировки и одновременно начинает несколько проектов с расчетом на будущее, значимые для страны в целом и Бессарабии в частности. Старые обиды, поселившиеся в душе румынской администрации после потери Бессарабии в июне 1940 года, повлияли на создание новых проектов, имевших непосредственное отношение к местному населению. Это

происходило в преддверии ожидания долговечного возвращения утраченной территории. В данном контексте то, как рассматривала администрация бессарабское население, должно было стать основой новой социальной конструкции в регионе и, в то же время, определить место и роль бессарабцев в румынском обществе.

Предлагаем обозначить, выявить образ, представление, которое сложилось, начиная с июня 1941 года, у румынской администрации о бессарабцах. Для достижения этой цели были проанализированы архивные документы представителей гражданской и военной администрации Бессарабии, включая правителей провинции (губернатора) по отношению к населению Бессарабии, оказавшейся под советской оккупацией в период между июнем 1940 и июнем 1941 годов. Большинство использованных в данном исследовании материалов находятся в фондах архива Министерства национальной обороны Румынии, Национальном архиве Республики Молдова, а также региональных архивах Украины.

Между регионами, относившимися к Румынии в разные исторические периоды, всегда существовали культурные, этнические и другие отличия. Вопреки (или благодаря) этому, так и не были созданы жизнеспособные крупные административные единицы для предупреждения появления сильных региональных сообществ [7]. Принимая это во внимание, отметим, что в изучаемый период в Бессарабии устанавливается порядок, разительно отличающийся от ситуации в остальной части страны. Так, согласно решению маршала Иона Антонеску, генерал Константин Войкулеску становится губернатором Бессарабии, напрямую подчинявшимся маршалу с особыми полномочиями, которые подразумевали прерогативу отменять действие общегосударственных законов на управляемой им территории, если того требуют национальные интересы [8].

Движение товаров и людей между Бессарабией и остальной частью Румынии было жестко ограничено, тем самым возводило непреодолимую стену между ними [9]. С первых дней борьбы с СССР Антонеску требует от департаментов и министерств назначить компетентных чиновников в Бессарабию и Буковину. Для поощрения их направления на работу в эти отдаленные провинции предусматривалось повышение им зарплат на 30%, а также доступ к специальным магазинам, созданным для обеспечения чиновников дефицитными в этих регионах товарами [10]. Часто чиновники и военные, назначенные в Бессарабию после июня 1941 года, привносят с собой определенные мнения и отношения, характерные для их социальной группы. Они отражают, в общих чертах, синкретический образ бессарабцев в глазах румынского общества на тот момент.

Ряд объективных факторов вносят свой вклад в создание и распространение этого специфического образа бессарабцев, о котором свидетельствуют архивные документы 1941 года. В большинстве документов бессарабское население рассматривается с точки зрения степени преданности по отношению к румынской администрации. Безусловно, бессарабцы считались представителями румынской администрации как составляющая часть румынского народа, соотечественниками-братьями из-за Прута (эта река отделяет современную Молдову и Румынию – Е.П.). Этот факт воспринимался как неоспоримая истина. Именно поэтому в большинстве документов румыны из Бессарабии были отмечены и выделены на фоне представителей других национальностей, проживавших на данной территории. В многочисленных документах, которые исследуют настроения румын из Бессарабии, подчеркивается, что именно бессарабские румыны проявили наибольшую радость при восстановлении румынской власти: «Во всех населенных пунктах за Прутом, через которые прошли наши воинские подразделения, румынское население приняло с большой радостью и искренней благодарностью как румынскую армию, так и немецкую. Во время прохода через села, воинские части были встречены цветами и криками «Ура». На лицах всех читалась радость избавления от русского ярма... Румынское население приняло как благо и с подчеркнутым энтузиазмом вход войск Румынии в Бессарабию» [11].

Искрящаяся пропагандистским языком запись Третьей Армии предназначена для укрепления мнения, доминировавшего в рядах румынской армии: «Не можем не отметить

гордость и удовлетворение румынского солдата, который не только освободил наших братьев из Буковины и Бессарабии, но и водрузил своим героизмом румынский триколор далеко, на просторах Украины, до недавнего времени принадлежавших коммунистическому спуту, который на протяжении 22 лет бахвалился тем, что любой враг на его территории будет разгромлен» [12]. Другие документы подтверждают уверенность в том, что «чувство лояльности и глубокого доверия в духе нового времени, а также радость от возвращения Бессарабии в объятия Родины-Матери можно прочесть на всех лицах» [13].

Примечательно, что бессарабцы, принадлежащие к другим этническим группам, воспринимались как враждебно настроенные, либо в лучшем случае проявляющими безразличие по отношению к румынской администрации. Летом-осенью 1941 года были проведены массовые казни и депортации бессарабских евреев. Документы изобилуют обвинениями в адрес евреев об их предполагаемых намерениях дестабилизировать ситуацию и саботировать действия румынского руководства. Что касается населения украинского происхождения, то согласно одному из информационных сообщений, оно «проявляет себя, в той или иной мере, безразлично по отношению к новой ситуации. Это позволяет нам понимать, что их отношение ни положительно, ни отрицательно к возвращению наших войск в Бессарабию» [13]. Население русского происхождения воспринималось как недружелюбное к новому руководству и было поставлено на ту же чашу весов, что и лица, сочувствующие советской власти. В связи с этим 14 сентября 1941 года Ион Антонеску отдал приказ губернатору Бессарабии Константину Войкулеску считать подозрительными «всех [бессарабцев] русского происхождения и тех, кто работал на большевиков» [14].

Одновременно с внедрением четкой политики румынизации в Бессарабии, в ходе которой бессарабские румыны считались составляющей частью румынского целого, изученные документы позволяют выявить чувства иного рода. Они проистекают из почерпнутого опыта, а именно воспринятой травмы при потере данной территории и вследствие унижений, перенесенных представителями румынского государства летом 1940 года. Тот факт, что часть бессарабцев продемонстрировала тогда удовлетворение в отношении включения провинции в состав СССР, либо решила остаться на оккупированной Союзом территории, глубоко ранил румынское самолюбие, особенно в период, когда этнократические стремления румынского государства были в самом разгаре. Это привело к относительной дисквалификации жителей Бессарабии в глазах румынских чиновников сразу после возвращения ими провинции. Так, в отчете жандармского легиона города Кишинева отмечается, что в период отсутствия в Бессарабии румынских войск «это население потеряло остатки румынского духа, местные меньшинства влились в большевистские орды и начали заниматься грабежом против армии и чиновников» [15].

Негодование, накопленное румынскими чиновниками вследствие событий июня 1940 года, и сопутствующий временами страх перед советским государством оставили определенный отпечаток на их отношении к населению Бессарабии после возвращения провинции в июне 1941 года. Взаимоотношения, которые были у бессарабцев с советской властью в 1940-41 годы, рассматривались как фатальные, иногда характеризовавшиеся теологическими терминами. Так, выбор бессарабцев не сопротивляться присоединению их территории к советскому государству для румынских властей был равнозначен богоотступничеству и переходу на сторону сатаны [15]. Одновременно с так называемым отказом от праведности бессарабским народом при советской власти предполагалось, что антирумынские проявления достигли высшей точки. В одном из отчетов жандармерии акцентируется, что в этот период бессарабцы «потеряли в большинстве своем чувство принадлежности к румынскому народу» и перешли к действиям, направленным против румынского государства: «Многие из них занялись шпионажем, предательством, приводом советских войск во время военных действий к нашим расположениям, завершая

тем, что некоторые из них добровольно сражались в рядах Красной Армии против нас, задерживали наших агентов, которых передавали советским властям и казнили» [15].

Удивителен факт, что даже «перейдя на сторону сатаны», бессарабец не рассматривался как активно сотрудничавший с советской властью, а скорее как пассивный объект в чужих руках. Бессарабец, в душе которого «пустила корни коммунистическая пропаганда», является в образе слабого, приспособленца, неспособного проанализировать сложившуюся ситуацию. Расчет этих бессарабцев был «горек и ошибочен», так как они «не ждали результатов будущего и развязки, которые привели бы их к спасению из большевистских когтей». Более того, согласно данному документу, бессарабцы, которые шпионили в ущерб румынскому государству и помогали Советам, частично оправдывались утверждением, что они совершили подобное «вследствие жалкого акта бессознательного коммунистического дела» [15]. Некоторые документы, отредактированные представителями румынской администрации, демонстрируют смешанные патерналистские чувства с нотками снисходительности. Так, румынские солдаты представлены в одном из докладов Третьей Армии как «крестonosцы, которые отправились в путь, чтобы пожертвовать собой во имя Веры во Всевышнего и в Церковь, высмеянной коммунистами и иудеями». В то же время один бессарабец обратился к ним: «избавили нас от ига, дайте нам разума» [16].

Парадоксально, но взаимодействие между населением Бессарабии с советским государством не всегда рассматривалось румынской администрацией как губительное для менталитета бессарабцев и румынского духа на этой территории. Некоторые румынские чиновники и военные придерживались мнения, что симпатии бессарабцев к советскому режиму значительно ослабли за год пребывания в составе СССР, в первую очередь из-за террора, развернутого советским репрессивным аппаратом, во вторую очередь вследствие материальных лишений в этот период. Так, в одном из информационных исследований контрразведки местного Инспектората полиции Кишинева утверждается, что «год советской оккупации породил большое неудовольствие среди населения городов и сел. Разочаровались даже те, кто симпатизировал коммунистическому движению. У всех социальных слоев уровень жизни в советский период снизился в сравнении с румынским» [17].

Начальник полиции Четатя Албэ (Белгород-Днестровский) и начальник Бюро безопасности Петре Теодореску практически повторяют слово в слово вышесказанное утверждение, дополнительно подчеркивая, что «действия, предпринятые евреями против религии, жестокий режим, которому подверглись работающие крестьяне, согласившиеся вступить в колхозы и обязанные отработать определенное количество часов работ, установленных советскими властями, а также уплата налогов натурой и деньгами сельским населением и особенно теми, кто отказался вступить в колхоз, вызвали особое негодование» [18].

Жандармерия отмечает, что бессарабские крестьяне расценивали политические действия советской власти более эффективными, нежели румынской. Один из них акцентирует, что «было достаточно одного милиционера для установления порядка, безопасности и соблюдения закона, в то время как при румынах из-за поблажек и коррупции население опять не исполняет своевременно все распоряжения администрации» [19].

Согласно утверждениям бессарабского политика Владимира Кристи [20], бессарабское население, в особенности сельское, «бесспорно довольно тем, что избавлено от большевистского ига и тирании благодаря Румынскому Солдату и мудрости Кондукэтора» [21]. Более того, политик подчеркивал, что, если румынская администрация не смогла завоевать симпатию и лояльность со стороны бессарабцев в межвоенный период, то большевистский режим посредством своей политики и уровнем жизни населения в 1940-41 годах куда больше приблизил бессарабцев к Румынии. Кристи

высказывает дерзкую идею: «За год большевистского правления Бессарабия была более румынизирована, нежели за 22 года нашего [румынского] правления» [21].

Даже в отчетах, в которых подверглось жесткой критике обращение бессарабцев к коммунизму, признается, что часть бессарабцев осталась лояльной к румынскому государству, они «вздыхнули с облегчением» при возвращении румын и «поблагодарили Господа, что избавил их от большевистского режима, который намеревался их уничтожить». Даже те, кто не был лоялен к румынской администрации и не благосклонно смотрели на ее возвращение, «никоим образом не проявляют себя, от страха перед суровыми законами и ищут возможность реабилитироваться, проявляя разные акты послушания и лояльности» [22].

Двойное отношение румынских властей может быть объяснено тем фактом, что негодование, вызванное в недавнем прошлом, сталкивалось с острыми потребностями настоящего. Если прошлое требовало наказания «коллаборантов» с советской властью и мести румынского государства, то теперь интересы настоящего и будущего диктовали необходимость укрепления власти и примирения с населением этого региона. В речах «королевских» чиновников, приехавших управлять возвращенным краем, заметна эта дилемма. Они одновременно пытаются осудить и оправдать поведение бессарабцев в 1940-41 годах. Так, в отчете Бюро безопасности Четатя Албэ объясняется поведение бессарабцев, эвакуированных на восток вслед за советскими властями, тем, что в момент повторной оккупации большая часть населения, уехавшая за Прут, «была в приказном порядке либо мобилизована в армию и вспомогательные части, либо опять же по приказу были обязаны уехать в составе учреждений, где трудились, в соответствии с генеральным планом мобилизации большевиков» [23]. С другой стороны, согласно этому же документу, часть населения, прибывшего из глубины страны в Бессарабию после 28 июня 1940 года, вернулись, чтобы забрать свои семьи, в то время как школьники и студенты вернулись в родительские дома [23]. В итоге, авторы доводят до сведения начальства, что «перечисленные выше категории граждан надеются, что правительство и понимающее руководство господина Маршала Антонеску справедливо урегулируют ситуацию их гражданства посредством мер, которые будут предприняты в дальнейшем, либо посредством соответственного регламента» [23].

Бессарабцам иногда приписывается сдержанное отношение к румынской администрации. Информационная справка по Измаильскому уезду характеризует бессарабский народ как пребывающий «в состоянии неопределенного отношения», состоянии, объясняемом их «жизнью в постоянном страхе» [24].

Один важный документ, подписанный 4 сентября 1941 года Губернатором Бессарабии генералом Войкулеску и отправленный во все управления, префектуры, мэрии, инспектораты жандармерии, инспекторатам по политике и подразделениям [25], наглядно рисует образ бессарабцев в глазах администрации провинции. С первых слов категорически заявляется, что «одного года советского правления оказалось достаточно для атрофии у многих бессарабцев любого чувства дисциплинированности, уважения и иерархии». Войкулеску далее демонстрирует недовольство изменениями, вызванными советской властью, которые могли бы привести к кризису иерархической системы, воспринимавшейся как основополагающий в румынском обществе межвоенного периода. Губернатор Бессарабии жестко критикует «то «товарищество», которое вело к нивелированию социальных классов, установившаяся манера обращения исключительно на «ты» [что] создала иллюзию равенства для находящихся на самых низких ступенях общества». Для Войкулеску привилегии предоставленные низам, или «тем, у кого ни кола, ни двора», были равнозначны их трансформации в «группу, не воспринимающую порядок, дисциплину и иерархию». В то же время принадлежащие к высшему обществу были бы принижены благодаря этому «равенству», прививая им своего рода «комплекс неполноценности» [25].

Войкулеску был возмущен атмосферой «эгалитаризма», царствовавшей в учреждениях и организациях Бессарабии, где работали местные чиновники. По мнению губернатора, «внимательный наблюдатель остался бы удивлен отсутствию уважения, которым обязаны находящиеся внизу иерархической лестнице к тем, кто находится на более высокой ступени. Не говоря уже о манерах и отношении многих граждан в общении с администрацией; в них есть что-то повелительное, «что-то», с чем не может свыкнуться тот, кто жил при Королевстве» [25].

Утверждение подтверждается несколькими примерами. Среди них приводится случай инженера Васенко из технической службы Префектуры города Бельцы, который, как подчеркнуто, «остался под советской властью». Из документа узнаем, что за время отсутствия инженера в своем кабинете на стул своего начальника (инженера Васенко) сел курьер, который тоже «остался под советской властью». Войкулеску считает невероятным, что по возвращении инженера курьер не встал с его места, более того, «и инженеру это не показалось из ряда вон выходящим», а он просто «взял другой стул и присел рядом». Похожий случай, приводимый Губернатором, имеет отношение к директору кишиневской Духовной семинарии. О нём говорится, что «за время оккупации чувствовал себя хорошо рядом с обслуживающим персоналом этой школы». Автор документа подытоживает: «Это незначительные примеры, но они демонстрируют некий порядок вещей, определенный менталитет» [25].

В своем циркуляре Войкулеску объясняет свои заявления тем, что во время советской оккупации ни администрация, ни преподаватели не пользовались авторитетом у граждан и учеников, их положение перестало быть престижным. Ряд мер было направлено на исправление сложившейся ситуации. Так, было приказано всем представителям администрации, преподавателям, учителям и чиновникам местного уровня, принятым после проверки вновь на работу, отправиться за Прут (в Румынию) «или хотя бы в другой населенный пункт, отдаленный от того, где до этого работали при советском режиме». Освободившиеся посты должны были быть заняты «в первую очередь лицами из Королевской Румынии, а также из проверенных бессарабских беженцев, которые во время эвакуации уехали за Прут». В заключение Губернатор настоятельно просит, чтобы «каждый руководитель любого уровня неустанно следил за возрождением идеи дисциплины, уважения и иерархии, незамедлительно вмешиваясь сколько бы раз не потребовала обстановка» [25].

Как можно заметить, в восприятии румынских властей бессарабцы составляли в основной своей массе население румынского происхождения, которое было «заражено» вследствие контакта с советским коммунистическим режимом. Положение можно было нормализовать при условии принятия ряда специальных мер. До тех пор гражданское население Бессарабии не могло вызывать полного доверия, а руководство должны были осуществлять преданные лица, в основном выходцы из Королевской Румынии. К тому же населенные пункты в Бессарабии, где в администрации преобладали функционеры из Румынии, были включены в список самых благонадежных. Информационная справка, подготовленная Бюро безопасности Четатя Албэ, доводит до сведения своего руководства, что румынское население этого города представлено чиновниками, преподавателями, учителями, старшим и младшим офицерским составом, приехавшими в этот населенный пункт из Королевской Румынии, а также несколькими тамошними семьями. Согласно данному документу, настрой румынского населения города «превосходил ожидаемое»; местные румыны демонстрируют «наивысочайшую степень доверия к нынешнему руководству государства и лестно отзываются о предпринятых мерах по наведению порядка и действиях по возрождению и восстановлению Бессарабии» [26].

Порой выраженное прилюдно уничижительное отношение королевских чиновников в адрес бессарабцев могло спровоцировать конфликтные ситуации, например, о которых докладывал пост жандармерии в комуне Цаул. Согласно этому докладу, большинство людей в селе и комуне Цаул не отдавали детей в школу из-за директора Плэмэдял, жены

священника Валериана Плэмэдялэ, «постоянно унижавшей детей словами «сыновья коммунистов и большевиков, вот вы кто», и что именно «по этой причине жители комуны крайне недовольны» [27].

Лишения, вызванные войной, обострили отношения между частью бессарабского населения и румынскими властями. По сообщению от 14 сентября 1941 года инспектора жандармерии, полковника Т. Мекулеску, население некоторых сельских населенных пунктов Бессарабии «проявляет большое недовольство из-за отсутствия товаров первой необходимости, которые не могут приобрести и в которых остро нуждается». Мекулеску высказывал обеспокоенность тем, что это недовольство может быть использовано подрывными элементами, а население может выступить с враждебными государству действиями. Вследствие этого инспектор жандармерии дал приказ принять «меры по наблюдению и отслеживанию этой проблемы, своевременно извещая инспекторат о любом изменении» [27]. Даже и в Четатя Албэ, где еще недавно отрапортовали о гармоничных отношениях между властью и румынским населением города, муниципальное Бюро безопасности все-таки отмечало, что «настроение румынского населения представляется очень хорошим, за исключением незначительных недовольств, когда речь идет об их привлечении к различным работам» [28].

Неоднократно бессарабские беженцы, возвращенные в Бессарабию после июля 1941 года, жестко критиковали население, оставшееся под советской оккупацией, за отсутствие лояльности к румынскому государству. Так, в сообщении подразделения жандармов в Лэпушне находим, что бессарабские беженцы из этого населенного пункта полагали, что подходящей формой правления для Бессарабии была бы «наиболее жесткая форма военной диктатуры», так как здешние жители не обладают «ни каплей национального сознания» и «ким безразлично какой флаг сегодня реет: триколор или красный» [29].

Однако не все бессарабские беженцы разделяли столь радикальную точку зрения. Владимир Кристи высказывает иное отношение. Он отправляет 6 октября 1941 года Губернатору Бессарабии доклад, в котором представляет свое мнение о ситуации в возвращенной Бессарабии и одновременно предлагает несколько предложений для более эффективного правления провинцией. Кристи указывает на благосклонное отношение бессарабских крестьян к румынским властям, подстегнутое в большой степени недовольством, притеснениями по отношению к ним со стороны советской администрации. На его взгляд, необходимо было окончательно укрепить «это психологическое состояние бессарабского румына столь благоприятное для нас», а осуществлять это необходимо было посредством «разумной политики». С точки зрения автора документа, «молдаване из Бессарабии душевные и мягкие люди и именно потому столь легко поддаются влиянию как в лучшую, так и в худшую сторону». Кристи настойчиво призывает к принятию ряда разумных мер, которые принявших бы во внимание психологию местного населения, заостряя внимание на том, что «если будут повторены ошибки, совершенные с 1918 года до момента захвата территории, то вновь будет создана неблагоприятная для государства обстановка», атмосфера, которая, как подчеркивает он, была сполна продемонстрирована в 1940-ом, в момент эвакуации из Бессарабии. В отличие от других представителей политического класса Румынии, Кристи не видит сложившуюся сложную ситуацию как обязательный результат свободного выбора бессарабцев, а скорее обвиняет румынские власти как авторов «комплекса ошибок: преднамеренных и случайных, совершенных в период безрассудного политиканства, бесплодного и по сути демагогического», который к тому же был «недобросовестно использован агентами всех врагов» [30]. Его предложения носили умеренный характер по сравнению с предложениями других беженцев. Они, впрочем, не содержали ничего оригинального, а скорее перенимали решение, которое уже частично было в исполнении. Так, его проект предлагает назначать в Бессарабию «местную администрацию, сформированную из отборных элементов государственных служащих из Старого Королевства, которые бы работали в тесном сотрудничестве с местными

бессарабцами, которые знакомы с ситуацией на месте, полностью избегая привлечения профессиональных политиков, пены революции 1918 года» [30].

В заключение отметим, что образ бессарабского народа, исходя из представленных документов румынской администрации 1941 года, является продуктом ситуации, сложившейся на тот момент в Румынии, центральной и восточной Европе. На самом деле, образ бессарабцев в глазах румынской администрации во время Второй мировой войны – результат эволюции, растянувшейся на два межвоенных десятилетия, когда Румыния склонялась к системе этнического государства с четкой иерархией, основанной на принадлежности к социальному слою, и открытой нетерпимостью к любому проявлению регионализма [31]. Восприятие бессарабцев представителями румынской администрации было двояким. Как и до 1940 года, они рассматриваются как часть румынского народа. Однако менталитет и преданность бессарабцев румынскому государству считаются искаженными влиянием советских идеологии и среды. Бессарабские румыны продолжают восприниматься румынской администрацией как категория, достойная большего доверия, в отличие от других этнических групп края. Тем не менее, этнические румыны из Бессарабии не заслуживают того же доверия, как румыны из остальной части Старого Королевства или бессарабцы, бежавшие в 1940-ом, так как подозревались в антирумынских настроениях и симпатии к советскому режиму. Воспринимаемые изменения в менталитете бессарабцев за год советской оккупации вызвали волнение среди румынской администрации Бессарабии. Гражданскому населению Бессарабии вменяли в вину исчезновение дисциплинированности, уважения к иерархии вследствие контакта с новыми правилами «эгалитарности», существовавшими в СССР. В соответствии с этим восприятием последовало назначение большого числа чиновников из рядов румын из Старого Королевства и бежавших в 1940 году бессарабцев. Бессарабцы, занимавшие должности в советский период, были отправлены на службу на правый берег Прута, либо в отдаленные населенные пункты Бессарабии. Не можем точно знать, были ли данные меры частью временного проекта или долгосрочной политики. Очевидно, что с точки зрения румынской администрации того периода бессарабцы должны были пройти через процесс «реабилитации», чтобы вновь стать полноправным членом румынской нации.

1. Статьи по проблеме бессарабской идентичности см. в *Basarabia. Dilemele identității*, Ed. Flavius Solomon, Alexandru Zub, Iași: Fundația Academică «A.D. Xenopol», 2001.

2. Ciorănescu George, *Bessarabia, Disputed Land between East and West*. Munich: J. Dumitru, 1985.

3. Брысякин С. *Культура Бессарабии в 1918-1940 гг.* Кишинев: Штиинца, 1978; С. Брысякин, М. Сытник, *Торжество исторической справедливости*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1969; А. Дольник, *Под властью румынских бояр*. Москва: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1945; В. Лунгу, *Политика террора и грабежа в Бессарабии (1918-1920 гг.)*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1979; С. Кустрябова, *Положение трудящихся и демографические процессы в городах Бессарабии (1918-1940)*. Кишинев: Штиинца, 1977.

4. Лазарев А. *Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос*. Кишинев: Картя молдовеняскэ, 1974; *Ымприва фалсификаторилор буржежь ай историей ши културый попорулуй молдовенеск*. Кишинэу: Картя молдовеняскэ, 1974; В. Стати, *Лимба молдовеняскэ ши рэволюций ей: ымприва фалсификаторилор буржежь ай дезволтэрий лимбий молдовенешть*. Кишинэу: Лумина, 1988.

5. Bruhis Mihail, *Rusia, România și Basarabia (1812, 1918, 1924,1940)*. Chișinău: Universitas, 1992; W. P. van Meurs, *The Bessarabian Question in Communist Historiography. Nationalist and Communist Politics and History Writing*. Chișinău: Arc, 1996; Charles King, *Moldovenii. România, Rusia și politica culturală*. Chișinău, Arc, 2002; Klaus Heitmann, *Limbă și politică în Republica Moldova*. Chișinău: Arc, 1998; Doru Mihăiescu, *Basarabia și Bucovina (pornind de la numele lor)*. Iași: Editura Tehnopress, 2000.

6. Snegur Mircea, «Republica Moldova este țara tuturor cetățenilor săi», in *Pământ și oameni*, 12 februarie 1994, p. 3, Mihai Cimpoi, *Basarabia sub steaua exilului*. București: Viitorul românesc, 1994; Anatol Petrencu, *În serviciul zeiței Clio. Chișinău: Tipografia Centrală*, 2001; Ion Eremia, *Falsificarea istoriei sau «Fenomenul Statii» în Republica Moldova*. Chișinău: Cartdidact, 2003. На тему столкновений в школах Молдавии см.: Elizabeth Anderson: «Don't Falsify Our History! Moldovan Teacher and Student Reaction to State Proposed History Courses», *Nationalisms Across the Globe: An Overview of Nationalisms in State-Endowed and Stateless Nations*, Vol. I, *Europe*, Poznan, The Polish Academy of Sciences, 2005; Elizabeth Anderson, «Backwards, Forwards, or Both? Moldovan Teachers' Relationship to the State and the Nation», *European Education*, 2005, vol. 37, nr. 3, p. 53-67.

7. Livezeanu Irina, *Cultural Politics in Greater Romania: Nationalism, Nation Building, and Ethnic Struggle. 1918-1930*. Ithaca: Cornell University Press, 1995.

8. Petrencu Anatol, *Basarabia în al Doilea Război Mondial, 1940-1944*. Chișinău: Lyceum, 1997, p. 245; *Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: guvernarea lui Ion Antonescu. 5 octombrie 1941-ianuarie 1942*, Vol. V. București: Arhivele Naționale ale României, 2001, p. 442-444.

9. *Stenogramele ședințelor Consiliului de Miniștri: guvernarea lui Ion Antonescu. 3 aprilie- iunie 1941*, București: Arhivele Naționale ale României, 1999, p. 597; *Ibidem*, Vol. IV, p. 200.

10. *Stenogramele...*, Vol. III, p. 645; *Ibidem*, Vol. IV, p. 566, p. 601, p. 607; *Ibidem*, Vol. VI, p. 456.

11. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Fond «Armata a 3-a», Inventar nr. S/6776, rola nr. 352; отчет 2-ого отделения Третьей Армии от 8 июля 1941; USHMM, RG-25.003, r. 18.

12. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Fond «Armata a 3-a». Inv. S/6776, rola 352, f. 133, Nota informativă de la 12 august 1941; USHMM, RG-25.003, r. 18.

13. Государственный архив Одесской области, Fond 2248, inv.1, dos. 23, Notă informativă de la 31 august 1941; USHMM, RG-31.014; Acc.1996.A.0115.

14. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Fond «Guvernământul Basarabiei Cabinet Militar», Inv. S/19845, rola nr. 651, p. 533; USHMM, RG-25.003M, r. 121.

15. Главный инспекторат жандармерии, 1941; USHMM, RG-25.010M, r. 6.

16. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Fond «Armata a 3-a». Inv. S/6776, rola nr. 352, f. 133, 12 august 1941; USHMM, RG-25.003, r. 18.

17. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Фонд Губернатора Бессарабии, Военное подразделение (штаб), Inv. S/19845, rola nr. 651, de la 10-20 august 1941; USHMM, RG -25.003M, r. 121.

18. Государственный архив Одесской области, Fond 2248, inv.1, dos. 23; USHMM, RG-31.014; Acc.1996.A.0115.

19. Генеральный инспекторат жандармерии, 1941, 12 noiembrie 1941; USHMM, RG 25.010M, r. 9.

20. Владимир Кристи был депутатом в Сфатул Цэрий (Совет Страны), который проголосовал за присоединение к Румынии в 1918 году. В 1938-40 годах был назначен мэром города Кишинева.

21. Гражданский и военный комитет администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии, Национальный Архив Республики Молдова, Fond nr. 706, inv. 1, dos. 10, f. 16; USHMM, CBVT, r. 2.

22. Главный инспекторат жандармерии, Anul 1941; USHMM, RG-25.010M, r. 6.

23. Государственный архив Одесской области, Fond 2248, op.1, ed. hr. 23, отчет охватывает период с 6 ноября по 6 декабря 1941; USHMM, RG-31.014; Acc.1996. A.0115.

24. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Фонд Губернатора Бессарабии, Военное подразделение (штаб), Inv. S/19845, rola nr. 651, f. 397, septembrie 1941; USHMM, RG -25.003M, r. 121.

25. Архивы Министерства национальной обороны Румынии, Фонд Губернатора Бессарабии, Военное подразделение (штаб), Inv. S/19845, rola nr. 651, f. 306; USHMM, RG -25.003M, r. 121.

26. Государственный архив Одесской области, Fond 2248, inv.1, dos. 23, Отчет период с 19 сентября до 19 октября 1941; USHMM, RG-31.014; Acc.1996.A.0115.

27. Главный инспекторат жандармерии, 1941, f. 532; USHMM, RG – 25.010M, r. 11.

28. Государственный архив Одесской области, Fond 2248, inv. 1, dos. 23, Информационная справка от 31 августа 1941; USHMM, RG-31.014; Acc.1996.A.0115.

29. Главный инспекторат жандармерии, 1941, 12 noiembrie 1941; USHMM, RG 25.010M, rola 9.

30. Национальный архив Республики Молдова, Гражданский и военный комитет администрации Бессарабии, Буковины и Транснистрии, Fond. 706, inv. 1, dos. 10, f. 16; USHMM, CBBT, rola 2.

31. Lucian Voia, *Istorie și mit în conștiința românească*, București, 1997; Irina Livezeanu, *Op. cit.*

Думитру Д. Образ Бессарабцев в глазах румынской гражданской и военной администрации (1941 г.).

Статья призвана проанализировать одну из многочисленных граней образа бессарабцев, раскрытых различными авторами в разные периоды, а именно интерпретацию этого образа в восприятии румынской администрации в 1941 году. Проанализированы архивные документы представителей гражданской и военной администрации Бессарабии. Большинство использованных в данном исследовании материалов находятся в фондах архива Министерства национальной обороны Румынии, Национальном архиве Республики Молдова, а также региональных архивах Украины.

Ключевые слова: Бессарабия, румынская администрация, население, бессарабские румыны.

Dumitru D. The Image of the Bessarabians in the Eyes of the Romanian Civil and Military Administration (1941).

The article is intended to analyze one of the many sides of the image of the Bessarabians, as revealed by various authors at different periods, namely the interpretation of this image in the perception of the Romanian administration in 1941. The archival documents of the representatives of the civil and military administration of Bessarabia are analyzed. Most materials used in this study are in the archives of the Ministry of National Defense of Romania, in the National Archives of the Republic of Moldova, as well as in the regional archives of Ukraine.

Key words: Bessarabia, Romanian administration, population, Romanian Bessarabians.